

АФРИКА И ЕЕ МАЧЕХА

В. СИДЕНКО

В СТОЛИЦУ Либерии мы прилетели под вечер. Пока добирались с аэродрома Робертсфилд, расположенного в 60 километрах от города, пока устраивались в отеле, уже стемнело. Но нетерпеливое желание увидеть Монровию было столь велико, что, наскоро переодевшись с дороги, мы сразу же отправились на улицу.

Отель «Карлтон», где мы остановились, находится на центральной городской магистрали — Брод-стрит. Едва очутившись на тротуаре, мы решили, что потали на какой-то праздник. На улице было многолюдно, шумно, и даже сумерки не могли скрыть яркости, которой отличается одежда местных жителей. Иногда нам навстречу попадались странные фигуры, словно отбившиеся от карнавального шествия: мальчишка в смешной и одновременно чуть жутковатой маске героя фильмов-ужасов Хичкока, важный джентльмен в черном фраке, цилиндре и полосатых брюках, которого можно было бы принять за дипломата, если бы из-под манишки его с галстуком-бабочкой не выглядывала голая грудь; цепочка юношей, которые шли куда-то, построившись друг другу в затылок, шлетая по асфальту босыми ногами в ритме ритуального танца...

Из распахнутых окон на всю улицу гремели радиоприемники, визжал американский джаз, диктор оживленно комментировал только что закончившийся футбольный матч между сборной Либерии и ганской командой «Черная звезда». Либерийцы проиграли, но даже это как будто никому не испортило настроения.

Нам показалось, что для такого веселья должен быть какой-то важный повод. Но выяснилось, что никакого особенного повода нет: просто был субботний вечер, а монровийцы по своей природе народ веселый, темпераментный. Вот почему до

поздней ночи не закрываются двери баров и кафе, мигающих гирляндами цветных огоньков, и молодые люди толпятся у кинотеатров, и красным пламенем горят керосиновые лампы на лотках торговки, продающих очищенные апельсины, манго, бананы, американскую жевательную резинку, сигареты «Кингстон», «Лаки страйк» и «Честерфилд» — обычный ассортимент товаров уличных «коммерсантов» в Западной Африке.

...С холма Мамба-пойнт хорошо видно, как растет город — растет не только вширь, но и ввысь. Все больше новых, многоэтажных зданий пробивается к небу сквозь строй старомодных двухэтажных особняков, которые придают Монровии сходство с поселениями американского дикого Запада, описанными Брет Гартом. Монровия превращается в центр капиталистического предпринимательства, город бизнеса.

Бизнес здесь в почете. Несколько лет назад в соседней Гане президент Нкрума уволил министра, который имел несколько доходных домов и занимался частным предпринимательством. В Либерии этого бы не случилось. Напротив, крупные правительственные чиновники, как правило, и крупные бизнесмены. Сам президент страны владеет большими каучуковыми плантациями в Центральной провинции, его жена — апельсиновыми плантациями близ Тототы, а дочь — отелем «Кукушкино гнездо» на полпути из Монровии в Нимбу. Министру внутренних дел Аллену Уильямсу принадлежат алмазные прииски.

У других бизнес помельче. Кто держит магазинчик на Кэмп-Джонсон-роуд — главной торговой улице Монровии, кто — маленькую харчевню — «кукшоп» — на Уотер-стрит. У одного — парикмахерская, где вас постригут, побреют старым лезвием «Джиллет» и, если желаете, разовьют вашу курчавую шевелюру. У другого — лавка с «африканскими»

«ми древностями», которые изготавливаются тут же на заднем дворе. У третьего — портняжная мастерская, где молодой парень (швейное дело в Либерии — привилегия мужчин!) готов за какие-нибудь полчаса смастерить заказчику национальную рубашку-безрукавку — сансор.

Еще ниже на социальной лестнице стоит племя рыночных торговцев. С утра до вечера они звонят в колокольца на всех рынках Монровии, стремясь привлечь внимание покупателя к своему товару — несколькими кусками дешевого ситца яркой расцветки, груде маниока, картофеля, лука, сушеной рыбы, коричневых жгутов табака, вывезенного контрабандой из соседних стран. Если швейное дело здесь монополизировано мужчинами, то мелочная торговля — в основном женское занятие.

Охваченная лихорадкой предпринимательства, Монровия все больше становится похожа на обыкновенный капиталистический город, где деньги приобретают чрезмерно большой вес, где по мере обогащения отдельных лиц на другом полюсе общества растет нищета. Бич Монровии — дороговизна. По данным статистики ООН, это город с самой высокой стоимостью жизни в Африке.

Присущие Монровии, как и всякому капиталистическому городу, контрасты видны даже из окон нашего отеля. Фасадом он выходит на асфальтовый Брод-стрит с элегантными американскими лимузинами, красивыми особняками, дорогими (два доллара за билет!) кинотеатрами, а задней стороной — на кварталы африканской бедноты. Убогие домишки пригорюнились среди мусорных пустырей, заросших колючками. В тени домов, которая в жаркий тропический полдень почти совсем исчезает, сидят мужчины всех возрастов. Это безработные. Каждый день деревня выплескивает в Монровию все новые и новые волны крестьян, надеющихся найти работу в столице. Увы, везет далеко не всем.

...Из путеводителя по Монровии я узнал, что у нее есть город-тезка в США, в штате Калифорния.

Я не был в американской Монровии, но думаю, что во многих отношениях столица Либерии — не менее американский город, чем она. На улицах и по радио вы слышите английскую речь с ярко выраженным американским акцентом. В магазинах расплачиваются американскими долларами (правда, есть и либерийская валюта, но она мелкая, ею пользуются лишь как разменной монетой). Здесь ездят на американских машинах, жуют американскую резинку, глотают «кока-колу» и «тепси-колу», слушают американский джаз. В большинстве ресторанов господствует американская, или, как ее здесь называют, «континентальная», кухня: кукурузные хлопья, молоко, апельсиновый сок, сосиски, яблочный пирог. За стойками баров пьют американское виски «Бурбон» и «Боллантейн»; в кино идут американские фильмы; на прилавках книжных магазинов лежат американские книги и журналы.

Влияние заокеанской державы распространяется на сферу экономики, финансов, текущей политики республики. Крупнейшие банки Монровии — «Интернейшнл траст компани», «Чейз Манхэттен бэнк оф Лайбирия», «Бэнк оф Монровиа» — филиалы банков США. В Монровии разместились штаб-квартира либерийского отделения американской шинной монополии «Файрстон тайр энд раббер компани», которая контролирует производство и сбыт главной экспортной культуры страны — каучука. Здесь же находятся представительства американских компаний, ведущих добычу железной руды в районах Боми-Хилса и Нимба. А железная руда — вторая после каучука экспортная статья Либерии.

Однако ни Соединенные Штаты, ни Либерия в душе не питают друг к другу искренней симпатии. В Монровии, например, мне не раз приходилось слышать жалобы на американский «корпус мира». В Либерии насчитывается свыше 300 агентов «корпуса», причем половина из них служит в правительственных учреждениях техническими секретарями, архивариусами, младшими клерками.

— У нас достаточно своих молодых людей с образованием, которые могут прекрасно справиться с канцелярской работой, — говорил мне студент либерийского университета. — Зачем же принимать на эти должности иностранцев? Чего нам действительно не хватает, так это высококвалифицированных специалистов, а их среди членов «корпуса» практически нет.

Невысокого мнения либерийские власти и о вкладе американских монополий в развитие страны. Либерия, заинтересованная в иностранных инвестициях, рассматривает их деятельность как своего рода «несбходимое зло». Но не слишком ли оно велико?

Вот пример. До конца 1951 года «Файрстон» экспортировала каучука на 160 миллионов долларов, а выплатила правительству за концессию всего восемь миллионов. Другая американская компания, «Рипаблик стил корпорейшн», получает из Либерии железную руду высшего качества по 4,75 доллара за тонну (включая сюда и стоимость перевозки) при цене ее на мировом рынке 12,5 доллара, так что каждая тонна руды дает американским дельцам 7,75 доллара «экономии».

В 1951 году правительство решило обложить прибыли иностранных компаний подоходным налогом, а затем пересмотрело соглашения с крупнейшими иностранными монополиями, в том числе с «Файрстоном». Монополии стали саботировать новые соглашения, под всякими предлогами уклоняясь от уплаты налогов. Например, в печать проникли сведения о том, что компания «Файрстон», которая должна была платить до 35 процентов общей суммы прибылей, выплатила только 8,5 миллиона долларов, тогда как ее доходы за год составили 80 миллионов.

Очень болезненно воспринимают в Либерии выскомерие, с которым держатся американцы. В свое время либерийский президент Табмен говорил: «Иногда некоторые представители компании «Файрстон» оскорбительно ведут себя в отношении либерийцев и правительства и, кажется, имеют обыкновение рассматривать себя и компанию как нечто суверенное, не имеющее ничего общего с народом нашей страны, хотя держат страну в рабском страхе перед США, как перед сюзереном. Мы будем безгранично рады, если люди с такими убеждениями не будут допускаться сюда. Это в интересах обеих стран. Иначе они будут объявлены нежелательными и высланы».

Эти слова были сказаны почти 20 лет назад. Но с тех пор янки изменились мало. Свидетельство тому — заметка в либерийской газете «Лигнер». В заметке с возмущением сообщалось о том, что американка Дэнлет Эллис, секретарь монровийского центра Информационного агентства Соединенных Штатов, категорически отказалась работать вместе с африканцами на том основании, что «от них воняет».

Как раз во время нашего пребывания в Либерии там разразился очередной скандал, связанный с наглыми высказываниями американского журнала «Тайм» по адресу либерийцев и их правительства. Корреспондент журнала откровенно издевался над стремлением либерийцев покончить с отсталостью и нищетой.

Либерия — республика, основанная американскими неграми, — уже самым своим существованием опровергает расистские бредни о том, будто негры неспособны к самостоятельному управлению государством, к участию в политической жизни. Вот пресса Америки и стремится всячески опорочить эту маленькую страну, возводя на нее один поклеп за другим, тем более, что приток релатриантов в Либерию, которую многие американские негры считают своей второй родиной, не прекращается. Правда, едут сюда в основном люди, сколотившие в США кое-какой капитал.

С одним таким человеком я встретился в нашем отеле. Он назвался владельцем предприятия

по химической чистке одежды Уилбуrom Л. Макшайном.

— В США, — говорил он, сверкая глазами, — невозможно жить человеку с темной кожей. И ведь я жил не на американском Юге, а в Нью-Йорке, но и там мы с женой ежедневно, ежечасно ощущали расовую дискриминацию. На мою жену — белую — смотрели как на зачумленную, наших детей отказывались принимать в детский сад...

Макшайн решил уехать из США и поселиться в Африке, где он наконец сможет избавиться от расовой дискриминации...

Америка была и остается злой мачехой для африканцев.

Каучук, который целыми днями собирают эти либерийцы, — главная статья экспорта страны. Но все доходы от сбыта либерийского каучука поступают в сейфы американской шинной монополии «Файрстон тайр энд раббер компани».

Фото Либерийской информационной службы — ТАСС

